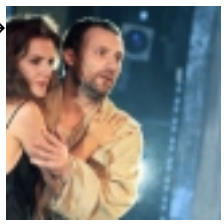
←→ 

Сцена из спектакля "Мастер и Маргарита"

О мхатовской постановке «Мастера и Маргариты» — Анатолий Белый, исполнитель роли Мастера.

На Большой сцене МХТ премьера спектакля по роману Булгакова, многофигурная эпическая картина мира — "Мастер и Маргарита". В роли Мастера — Анатолий Белый.

— Прежде вы говорили, что роман "Мастер и Маргарита" не надо ставить на сцене или экранизировать. Ваше мнение изменилось?

— Я по-прежнему думаю, что это очень сложно. Это настолько самодостаточное, завершенное литературное произведение, что транспонировать его в другие области искусства — очень тяжело. Конечно, над приглашением я долго не думал. Заведомо зная, что будет тяжело, что, скорее всего, будут ругать, согласился, потому что материал гениальный. Хотелось попробовать, рискнуть. Мне кажется, что это достойная постановка. Для себя я ее определил как соприкосновение с Булгаковым.

— То есть пока у вас нет ощущения завершенной работы?

— Нет. Это еще даже не начало, мы только постучались в дверь. Спектакль живой, он будет развиваться. Это, конечно, бездонный материал.

— Ваш "Мастер" — сегодняшний?

— Да, мы рассказываем о Москве наших дней. Перенос в современность произошел практически безболезненно. Все темы Булгакова проецируются на сегодняшние реалии. Мы, конечно, не говорим о советском строе, эта тема убрана из спектакля. Но то, что осталось, удивительным образом ложится на сегодняшнюю ситуацию. Тот же квартирный вопрос.

— Ваш спектакль больше про любовь или про творчество?

— Больше выявлена линия Мастера и Маргариты, история любви, но, естественно, в параллели с темой личности, художника. Это неразрывно, потому что то, как любит художник, и есть проявление его сути, его цельности. Проявление его способности идти через сомнения, через мучения до конца. Первый вопрос, который я задал Яношу на репетиции, — кто такой Мастер сегодня? Понятно, Булгаков писал о себе, понятно, какие темы его волновали, против чего был тот Мастер. А что за человек Мастер 2011 года? Это человек, который имеет совесть, думающий человек, он остро чувствует боль за то, что вокруг него происходит. Конечно, мы говорим об опошлении, об опопсении, о всеобщем отупении. Мастер — человек, который не может с этим мириться, психика его не выдерживает. Я не хочу употреблять слово "интеллигент", их практически не осталось. Но Мастер — человек, близкий к этому понятию по своему обостренному восприятию действительности. Это человек, который хотел поделиться своим знанием, видением, своими мыслями по поводу сегодняшнего мира и которого не поняли. Непонятость — это тоже очень современно. Везде — и в нашей, театральной, среде, и в литературной — очень много людей, которые не востребованы. Это очень современные темы.

— Мастер — сильный или слабый?

—Все относительно. Что такое сила, что такое слабость? Для меня сегодня герой — это человек, который, например, работает шахтером и тащит на себе семью в городе Кузбассе. Это подвиг в наше время — взять на себя всю меру ответственности и тащить эту лямку жизни. Конечно, Мастер сломлен. Но как раз любовь его спасает. С другой стороны — он же погибает, уходит. Здесь ему места нет. Люди талантливые, но невостребованные, выкинуты за борт жизни. Если вчитаться, в романе даны очень точные характеристики героя, с самого начала. В его поведении четко описана болезнь.

Я во время работы консультировался с невропатологами, мы разбирали по строчкам, я им цитировал, как он себя ведет, как говорит. Врачи сказали: Булгаков описал поведение психопата. Есть такое понятие в медицине — психопатическая неврастения. Над этой стороной тоже интересно было поработать, конечно, не уходя в патологию. Я не играю диагноз, но в этих тонких, точных вещах можно найти какие-то правильные ключи к этой сложной роли.

— У вас нет суеверного отношения к "Мастеру и Маргарите"?

— Нет. Я считаю, что Булгаков не был темным человеком. Эти темы — это его безысходность, его отчаяние, его тупики, когда он нигде не находил себе места. У него встречается это слово в романе — черт, черт, черт. Это не значит, что он оккультист какой-то или сатанист, абсолютно нет! Это жест отчаяния. Мистического страха не было, было другое. Мне очень понравилось название одной рецензии, которая висит у нас в театре на стенде. Она называется "МХТ начал отдавать долги Булгакову". Для меня эта постановка — жест благодарности, жест возвращения долгов. Посмертно, через много лет, но чтобы все-таки поставить и чтобы в МХТ.

— Когда вы читали роман, никогда себя с кем-то другим, кроме Мастера, не ассоциировали?

— Конечно, вся эта компашка Воланда так живописно написана… Я впервые читал роман в десятом или в одиннадцатом классе, тогда они намного ярче воспринимались. И Воланд, когда читаешь, — кажется, такая глыба. Но Мастер есть Мастер.

— Как работалось с венгерским режиссером?

— Европейский театр все-таки другой. Янош очень интуитивный человек. Иногда мы начинали репетировать сцену по-одному, к концу репетиции понимали, что начало сцены надо делать совсем по-другому. Он шел по наитию. Этой своей интуицией он подсказывал нам очень парадоксальные, необычные вещи. Зачастую такие парадоксы очень помогали выстраивать роли. Он, несомненно, талантливый, больной, в хорошем смысле слова, театром человек. Была очень высокая планка — он и от себя, и от нас требовал настоящего вложения. Ну а иначе это произведение и не сделаешь. Вообще

встреча с ним — удивительная. Казалось бы, человек со стороны, но он знает Булгакова лучше, чем мы. Конечно, мы его немножко поправляли в смысле современности материала. Я думаю, взгляд со стороны даже помог. Потому что мы слишком благоговеем, мы трепещем перед именем Булгакова. У него взгляд более трезвый, он смел в решениях.

— С кем бы вам хотелось поработать?

— Конечно, хотелось бы поработать с талантливыми режиссерами, с которыми я еще не встречался, например, с Юрием Бутусовым. Мне кажется, в нем тоже есть частичка Мастера, эта сумасшедшая одержимость делом своим. Он очень талантливый человек. Но, честно говоря, сейчас хочется сделать остановку, иначе произойдет выхолащивание. Надо накопить. А вообще, хотелось бы сыграть в каком-то гипергротеске, почти в буффонаде. Это было бы интересно, потому что я еще этого не делал.

Анна Банасюкевич